

Рецензия на монографию

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-127-140

**Естественная историческая установка:
объективность вместо истинности**

Рецензия на книгу:

Turner D. Making Prehistory: Historical Science and the Scientific Realism Debate. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Никита Владимирович Головкин

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Институт философии и права Сибирского отделения РАН
Новосибирск, Россия

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Аннотация

Дерек Тернер полагает, что надлежащая интерпретация концепции естественной онтологической установки А. Файна может помочь раскрыть природу различия между «историческими» (геология, археология, криминалистика) и «эмпирическими» (физика, химия) науками. С его точки зрения, очевидная асимметрия между этими науками является следствием разного понимания возможностей «манипулировать» объектами исследования и ролью, которую играют вспомогательные теории. На наш взгляд, концепция Д. Тернера – это хороший пример того, как грамотно и оригинально может выглядеть инструменталистская концепция науки. Во-первых, она «рефлексивна» в том смысле, что ставит на место других инструменталистов (конструктивный эмпиризм Б. Фраассена не принимается). И, во-вторых, она «конструктивна» – акцент на том, что «сила аргументов за или против научного реализма может меняться в зависимости от научного контекста» достаточно неожиданно приводит и к тому, что «деление идеографическое / номотетическое не является полезным», и к тому, что «эпистемическая ущербность, но одинаковый эпистемический статус». Размышления о книге: Turner D. Making Prehistory: Historical Science and the Scientific Realism Debate. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Ключевые слова

исторические науки, эмпирические науки, знание о прошлом, обоснование, объективность, Д. Тернер, К. Клилэнд, А. Файн

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

© Головкин Н. В., 2022

Для цитирования

Головко Н. В. Естественная историческая установка: объективность вместо истинности. Рец. на кн.: Turner D. Making Prehistory: Historical Science and the Scientific Realism Debate. Cambridge: Cambridge University Press, 2007 // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 4. С. 127–140. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-127-140

Natural Historical Attitude: Objectivity Before Truth

Book Review:

Turner D. Making Prehistory: Historical Science and the Scientific Realism Debate. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Nikita. V. Golovko

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law, SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Abstract

Derek Turner believes that a proper interpretation of Arthur Fine's natural ontological attitude can help to reveal the nature of the difference between «historical» (geology, archeology, forensics) and «empirical» (physics, chemistry) sciences. From his point of view, the apparent asymmetry between these sciences is a consequence of different understanding of the possibilities to «manipulate» the objects of study and the role played by background theories. In our opinion, Turner's concept is a good example of how profound and inviting the instrumentalistic concept of science could be. First, it is «reflexive» in the sense that it constrained other instrumentalist theories (B. Fraassen's constructive empiricism deeply flawed). And secondly, it is «constructive» – the emphasis that «the strength of arguments for or against scientific realism can vary depending on the scientific context» quite unexpectedly leads to the fact that «ideographic / nomothetic division is not very helpful», and to the fact that «epistemic disadvantage, but the same epistemic status». Reflections on the book: Turner D. Making Prehistory: Historical Science and the Scientific Realism Debate. Cambridge University Press, 2007.

Keywords

historical sciences, empirical sciences, knowledge of the past, justification, objectivity, D. Turner, C. Cleland, A. Fine

Acknowledgements

The reported study was funded by Russian Science Foundation grant № 23-28-00739 «Epistemic independence within the models of justification of the knowledge of the past: middle-range theories and weighted coherence», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

For citation

Golovko N. V. Natural Historical Attitude: Objectivity Before Truth. Book Review: Turner D. Making Prehistory: Historical Science and the Scientific Realism Debate. Cambridge University Press, 2007 *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 4, p. 127–140. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-4-127-140

Первое, на что наверняка обратит внимание отечественный читатель, открыв книгу Дерека Тернера, – это то, что термин «исторические науки» относит-

ся не только к истории, как к гуманитарной науке «о фактах и закономерностях исторического развития, об эволюции общества и отношений внутри него, обусловленных человеческой деятельностью на протяжении многих поколений»¹. Большую часть книги автор не будет говорить об истории вообще. «Исторические науки», – это в первую очередь: доисторическая археология, геология, эволюционная биология, палеонтология, отчасти медицина (особенно в той ее части, где мы говорим о патологии) и, например, криминалистика. Это сознательный выбор автора. И говоря здесь о научном реализме, мы не будем говорить о Геродоте, Э. Гиббоне, А. Тойнби и Ф. Броделе, об историографии, методологии, объяснении в гуманитарных науках, рабочем платонизме историков и конструировании социальной реальности. В первую очередь мы будем говорить о разнице в понимании природы объектов, которые изучает физика и близкие ей по духу дисциплины (электрон, ковалентная связь и т. д.), и понимании природы таких объектов, как цвет перьев динозавров, движение тектонических плит и эволюция австралопитеков, которые, как правило, являются предметом исследования дисциплин, которые в лучшем случае мы можем охарактеризовать как «науки без дедуктивной систематизации данных». Как отмечает сам автор: «сила аргументов за или против [научного] реализма может *меняться в зависимости от научного контекста*. К сожалению, исторические науки, такие как палеобиология и геология, практически полностью исключены из обсуждения [проблем научного реализма], даже несмотря на то что мы не можем увидеть, почувствовать или наткнуться на живого динозавра в том же самом смысле, как и на рентгеновский фотон» (курсив наш. – Н. Г.) (с. 2). Это большая проблема. И это именно то, что делает книгу Д. Тернера важной и даже необходимой к прочтению для тех, кто интересуется проблемами научного реализма.

Философия науки – это далеко не всегда рефлексия по поводу развития физики². После того как вы откажетесь от позитивистского представления о том, что науку наукой делает метод, что ее успешность является следствием того, что ученые следуют определенному рациональному «научному методу», и перейдете к тому, что науку нужно рассматривать через призму множества институциональных фильтров, закрепленных в организационной структуре научного сообщества, исследующего самые разные области реальности, вы уже не сможете абсолютизировать какое-то одно представление о том, что такое наука и как она работает. То же самое справедливо и для аргументации в пользу научного реализма. Универсальное представление (о методе, теории, обосновании и т. д.) работает до тех пор, пока вы не обратите внимание на различия в объектах исследования. И как только вы согласитесь с тем, что у двух «теоретических объектов» – электрона и динозавра – можно обнаружить разный смысл «теоретического», то вы автоматически должны будете различать аргументацию в пользу реального существования электрона и реального цвета перьев динозавра³. Естественно, ука-

¹ См.: История (ред. 17 ноября 2022). *Википедия. Свободная энциклопедия*. <https://ru.wikipedia.org/wiki/История> (дата обращения: 01.12.2022).

² Не так давно мы разбирали учебник Дэвида Кли, который начинается с примера обсуждения онтологического статуса теоретических объектов в иммунологии (см.: [Головко, 2020]).

³ Более понятной эту идею делает указание на реально существующие в современной науке деление на «хорошие» научные теории и области знания и «менее хорошие» науки. Одно дело, когда вы

знание здесь на разницу в понимании объектов, на различия в характере эвиденциального подкрепления, на разный тип систематизации данных и т. д. не делает нас релятивистами. В любом случае мы будем иметь дело с аргументом «Чудеса не принимаются». Однако то, насколько далеко мы сможем позволить себе отойти от идеала номологического объяснения, от представления о том, что эвиденциальное подкрепление теории в конечном итоге – это проверка ее следствий, и от других, считающихся сегодня каноническими, представлений и при этом остаться реалистом, – само по себе является хорошим, на наш взгляд, не скучным вопросом. В том числе претендующим на то, чтобы сыграть определенную роль в переходе к новым парадигмам в области философии науки.

Аргумент Д. Тернера начинается с указания на, казалось бы, очевидные различия – асимметрию между «историческими» и «эмпирическими» науками (есть разница в том, как мы манипулируем объектами, и в том, какую роль играют вспомогательные теории), и заканчивается, как это ни прискорбно, выбором радикально антиметафизической позиции, более известной как «естественная онтологическая установка» А. Файна, которая в данном случае принимает вид «естественной исторической установки»: «Я не научный реалист... Естественная историческая установка – это агностицизм по отношению к прошлому: может быть мы сконструировали его, а может быть и нет. Но если мы серьезно посмотрим на лучшие теории о прошлом, то мы обнаружим, что у нас никогда не будет [достаточно] исторических данных, которые помогли бы решить в пользу (adjudicate) метафизического реализма, либо в пользу социального конструктивизма. А значит, мы должны воздержаться от суждения» (с. 4). На первый взгляд, это обычный инструменталистский тезис, – наука не про истинность знания, а про операционально значимые результаты, а значит, нам вообще не нужно задумываться о ее метафизической трактовке. «Научный реализм» в названии книги – это всего лишь дань времени. Однако при ближайшем рассмотрении книга Д. Тернера оказывается гораздо глубже. Указание на различия между «историческими» и «эмпирическими» науками нужно для того, чтобы обосновать весьма нетривиальный тезис о том, что «эпистемические различия [между историческими и эмпирическими науками] не имеют решающего значения в вопросе о статусе исторических тео-

работает с теориями, условно, «допускающими дедуктивную систематизацию данных», т. е. имеете возможность (при прочих равных и с учетом оговорок при определении «теоретического» и «эмпирического», а также понимании «реального» и «идеального» представления знания) апеллировать к законам, к гемпелевской модели (и производным от нее моделям) объяснения и, конечно, к гипотетико-дедуктивной модели обоснования знания, – как к основной и чуть ли не единственной методологической схеме, закрепляющей связь теории и данных. Здесь вы имеете полное право рассматривать каноническую интерпретацию вывода к лучшему объяснению и предложить аргумент «Чудеса не принимаются». Другое дело, когда перед вами, условно, «нарратив», который может быть весьма далек от идеала, в роли которого выступает физическая теория. Теории в области биологии, геологии, археологии и медицины никогда не будут, никогда не смогут быть такими же строгими, как теории в физике и химии, но от этого они и не являются менее обоснованными, менее «научными». Сам факт того, что в этих областях знания связь теории и данных не является следствием «априорно принятой логической схемы взаимосвязи теории и данных» (Л. Лаудан), – просто потому, например, что под «законом» здесь может пониматься любой достаточно устойчивый паттерн аргументации, в лучшем случае хорошее (по Дж. Миллю) индуктивное обобщение, – не означает, что у нас не может быть своего, адаптированного именно под данное «нарративное объяснение» вывода к лучшему объяснению. В этом смысле аргументация в пользу научного реализма действительно может зависеть от контекста.

рий»: «вместо того, чтобы отрицать эпистемическую ущербность (disadvantage) исторической науки, мы можем подчеркнуть высокий [эпистемический] статус естественной истории... Вместо слогана *Различные Методы, Эпистемическое Единобразие*, подчеркивающего, что исторические науки используют другие методы исследования, другие типы объяснения и ориентированы на другие объекты... я предлагаю слоган *Эпистемическая Ущербность, Одинаковый Эпистемический Статус*» (курсив автора. – Н. Г.) (с. 6)⁴. А выбор «естественной онтологической установки» в качестве базовой метафизической (если так можно выразиться) концепции нужен для того, чтобы «опровергнуть» конструктивный эмпиризм Б. Фраассена: «Естественная онтологическая установка Артура Файна и конструктивный эмпиризм Баса Фраассена – это радикальные точки зрения, согласно которым все наше знание, по сути, ограничено тем, что является наблюдаемым. Фраассен, так же как и Файн, в основном ограничивает свое внимание физикой, и обе

⁴ Это один из ключевых (в смысле оснований аргументации) моментов книги. «Исторические» и «эмпирические» науки различаются тем, как в их рамках мы манипулируем объектами, и тем, какую роль играют вспомогательные теории. Следуя Д. Тернеру, основные аргументы в пользу научного реализма (основанием которых является рефлексия над «эмпирическими» науками) не будут работать для «исторических» наук именно в силу указанной асимметрии. Мы можем манипулировать объектами микромира и в этом смысле, например, следуя Я. Хакингу, считать их реальными (см.: [Хакин, 1998 (1983)]). Но мы не можем «манипулировать в том же самом смысле» прошлым, – тут работает другая модальность: «Мы не можем генерировать новые “исторические” данные, вмешиваясь в протекающий причинный процесс в ходе контролируемого эксперимента». На наш взгляд, аргумент «от манипулирования» Я. Хакинга всегда был немного «странноватым». Апелляция к «реальной» научной практике делает рассуждения Я. Хакинга интуитивно понятными, но при этом (в той же самой книге!), он выступает как «яростный антиреалист», критикуя основной аргумент в пользу научного реализма, – не желая совмещать представление о «манипулятивности» и абдуктивный вывод. Это странно. Аргументация «за» или «против» реализма не должна зависеть от конкретного вида вывода, и поэтому критика абдуктивного вывода (Н. Картрайт, Я. Хакин, А. Файн, Б. Фраассен) не может считаться аргументом против научного реализма (см.: [Головкин, 2008]). Тем не менее, сложно не согласиться с тем, что в отношении способности «манипулирования» объектами «исторические» науки действительно отличаются от «эмпирических». Что касается «роли вспомогательных теорий». Следуя Д. Тернеру, вспомогательные теории в «эмпирических» науках являются источником новых данных, но в «исторических» науках они «говорят нам о том, как исторический процесс уничтожает (destroy) данные со временем, точно так же как преступник убирает потенциальные улики с места преступления» (с. 3). В «эмпирических» науках «манипулирование» и вспомогательные теории идут «рука об руку» (тут можно вспомнить пример Я. Хакинга с микроскопом: концепция прохождения света через сплошную среду (линзу) – это в данном случае вспомогательная теория). Здесь вспомогательные теории объясняют то, как именно мы можем «манипулировать» объектом, они расширяют наши эпистемические возможности. В то время как в «исторических» науках они объясняют то, почему столь необходимые данные о событиях в прошлом были безвозвратно потеряны, они «сдерживают (check) наши эпистемические амбиции» (с. 58). И также как с рассуждениями Я. Хакинга, здесь рассуждения Д. Тернера, возможно, отталкиваются «не от того места». Мы согласны с тем, что эти рассуждения о различиях «исторических» и «эмпирических» наук важны, однако остается впечатление, что Д. Тернер осознанно (или нет) смешивает, условно, «прагматические» и «концептуальные» основания. Одно дело подчеркивать практическую сложность получения данных о прошлом, но другое – рассуждать о том, что данные о прошлом принципиально другие и их всегда будет меньше. В этом смысле недовольство позицией Я. Хакинга, которое, например, выражает М. Девитт, обвиняя его в непоследовательности (см.: [Devitt, 1997]), скорее всего, будет справедливо и в данном случае. И естественно, этот наш комментарий является следствием того, что мы считаем позицию М. Девитта абсолютно непререкаемой во всех вопросах, касающихся понимания предмета и аргументации «за» или «против» научного реализма. Тезис Д. Тернера «эпистемическая ущербность, одинаковый эпистемический статус», скорее всего, выступает «внешним ориентиром» по отношению к приводимым им аргументам. И в этом смысле репрезентирует скорее желаемую цель, чем часть ядра концепции.

эти версии не-реализма выглядят как альтернативы [научному реализму], только когда мы обращаемся к микромиру. Однако когда мы обращаемся к истории, конструктивный эмпиризм Фраассена обретает крайне противоречивые (repugnant) следствия, что сразу же прекращает спор. Конструктивный эмпиризм Фраассена выглядит как жизнеспособная (viable) философская теория науки *только* до тех пор, пока мы игнорируем геологию и палеобиологию» (курсив наш. – Н. Г.) (с. 4)⁵. А вот это уже серьезная «заявка на победу». Эта книга действительно о том, о чем вы всегда подозревали, но боялись подумать.

⁵ На наш взгляд, любой разговор о «естественной онтологической установке» А. Файна (равно как о квазиреализме С. Блэкберна, на который также есть отсылки у Д. Тернера) в контексте обсуждаемой проблематики научного реализма, – это разговор о независимости истины (см.: [Головко, 2012]). Это пример концепции, демонстрирующей то, что тезис М. Девитта о независимости семантики (истинность) и онтологии (существование) не является исключением. В период или в ситуации, когда аналитическая традиция понимается как нечто данное свыше и само собой разумеющееся, серьезный подход к метафизике не может ограничиваться рассуждениями в рамках одной (и далеко не самой лучшей) парадигмы. Как отмечает А. Файн: «*Антиреализм не является победителем спора, в котором реализм проиграл*» (курсив наш. – Н. Г.) [Fine, 1986. P. 149]. Предлагается выбрать «третий путь» – принять результаты научного познания точно так же, как мы принимаем данные органов чувств, т. е., рассуждая об истинности и обоснованности научного знания, принципиально не выходить за рамки истории и практики науки. Основанием «третьего пути» является представление о том, что и реалистов, и антиреалистов на самом деле объединяет нечто общее – общая часть всех их концепций, которую А. Файн обозначает как «базовая установка» (core position), касающаяся исключительно понимания истины и истинности научного знания и, в частности, никак не связанная с традиционным дискурсом относительно онтологического статуса теоретических объектов. «Базовая установка» закрепляет представление о том, что результаты научных исследований принимаются как истинные в том же самом смысле, как «обыденные истины» (homely truths) [Ibid. P. 164]. «Основная идея, – пишет А. Файн, – состоит в том, чтобы принять такое представление об истинности, которое отвечает обыденному, некритическому (already in use) представлению об истинности научного знания. При этом не следует обосновывать обыденное представление об истинности научного знания различными представлениями о природе истины или другими, более фундаментальными ее свойствами. Естественная онтологическая установка не предполагает, что истинность является субстанциональной или объясняющей концепцией, т. е. не предполагает, что существуют некоторые более общие вещи, которые делают истину истинной. [Более того] понятие истины рассматривается в локальном, специфическом контексте ее употребления (относительно некритически воспринимаемого научного знания. – Н. Г.) и не зависит от более общих теорий интерпретации или метаязыка, которые уже давно [ошибочно] составляют предмет философии науки» [Ibid. P. 175]. Следуя А. Файну, собственно реалисты добавляют к «базовой установке» представление о том, что истина является производной относительно объективной реальности, а антиреалисты, – что истина является производной относительно различных эпистемических, семантических и т. д. условий (см., например: [Fine, 1986. P. 128–129]). При этом «естественная онтологическая установка предполагает, что любые легитимные дополнения базовой установки уже содержатся в том допущении, что обыденные и научные истины имеют один и тот же статус. *Ничего больше не требуется*» (курсив наш. – Н. Г.) [Ibid. P. 133]. Очевидно, в своих рассуждениях о «естественной исторической установке» Д. Тернер должен повторять эти рассуждения А. Файна уже потому, что он также отталкивается от натуралистического тезиса «наука вперед философии» и хочет занимать «нейтральную» позицию. Однако, учитывая то, что научный реализм для Д. Тернера (в тексте), – это по преимуществу эпистемический тезис, то он не может в данном случае просто развести семантику и эпистемологию. Для Д. Тернера указанный «третий путь» вместе с приоритетом «научных рассуждений перед философскими» трансформирует представление об истинности описания в представление о его объективности. Главным является не построить хорошую, работающую теорию о событиях в прошлом, а обнаружить ту часть описания прошлого, которая может претендовать на то, что именно она раскрывает то, «как все было на самом деле». Только в этом смысле Д. Тернер может считать себя реалистом, принимающим естественную историческую установку (если вообще такое сочетание позиций может быть осмысленным).

Первая глава посвящена обсуждению, ставшего уже классическим, тезиса о том, что мы гораздо больше можем узнать о микромире, чем о прошлом. И заключение выглядит по крайней мере интригующим: «Предположим, что у нас есть объекты двух типов, и они [типы] не релевантны в эпистемическом смысле, что приводит к тому, что в отношении одних мы испытываем гораздо больший оптимизм... Проблема в том, что философы [обсуждая эти виды] придерживаются *слишком высокого уровня общности*. Вся дискуссия отклоняется (skewed) [от предмета обсуждения] в том смысле, что [условно] она идет на уровне родов (genus), а не на уровне видов (species). Сам по себе вопрос “Могут ли млекопитающие питаться мясом?” не является плохим вопросом. Но он не учитывает разнообразия видов [млекопитающих], алиментарные и психологические различия внутри класса млекопитающих, а значит, может быть нерелевантным вопросом [для анализа каждого отдельного случая]. То же происходит с философами, задающими общие вопросы о знании относительно ненаблюдаемого. Если они никогда не обратятся к [эпистемической] разнице между видами [в смысле объектов микромира и объектов в прошлом], они упустят нечто важное» (курсив наш. – Н. Г.) (с. 35–36). Вот это требование, – «определиться с уровнем общности» (или необходимость как-то к нему отнестись) и будет ключевым моментом, который заставит Д. Тернера пересмотреть содержание естественной онтологической установки А. Файна. На протяжении следующих четырех глав Д. Тернер будет рассматривать асимметрию «исторических» и «эмпирических» наук с целью предложить аргументы против «глобального» универсального представления о науке в пользу «локального» контекстно-зависимого представления, подчеркивающего значимость (для разных областей научного знания) различий по эпистемическим основаниям.

Большая часть второй и третьей глав продолжает обсуждение асимметрии между знанием о прошлом и знанием о микромире. Очевидно, это наиболее широко известная часть позиции Д. Тернера, здесь раскрывается «интеллектуальный конфликт» с точкой зрения Кэрол Клилэнд⁶. С точки зрения К. Клилэнд, и тут она совсем не одинока, никакой принципиальной разницы между «историческими» и «эмпирическими» науками нет⁷. И Д. Тернер не согласен с ней бук-

⁶ Вторая глава почти полностью была опубликована ранее как статья «Local Underdetermination in Historical Science» (Philosophy of Science. 2005. Vol. 72. P. 209–230), а третья представляет собой переработанную версию статьи «The Past vs. The Tiny: Historical Science and the Abductive Arguments for Realism» (Studies in History and Philosophy of Science Part A. 2004. Vol. 35. P. 1–17).

⁷ Предполагается, что в новейшей философии науки именно статья К. Клилэнд (Historical Science, Experimental Science, and the Scientific Method // Geology. 2001. Vol. 29. № 11. P. 987–990) выступает в качестве триггера (как отмечает рецензент, асимметрия «исторических» и «эмпирических» наук – это довольно старая тема, о которой ранее писали еще неокантианцы, представители таких направлений как герменевтика и нарратология, а также такие известные авторы как Р. В. Ван Беммелен, С. Шумм и Р. Фродеман, которые, в частности, пытались обосновать несводимость геологического знания к «экспериментальным» идеалам научности в силу его «историчности»). Известно, что, например, Р. Фродеман в конце 1990-х учился в университете Колорадо в Болдере, где в то время уже работала К. Клилэнд, вызвавшего повышенный интерес к проблеме асимметрии «исторических» и «эмпирических» наук. Тезис К. Клилэнд выглядит достаточно привлекательно. «Историки» используют переопределенность (overdetermination) событий в прошлом событиями в настоящем для того, чтобы описывать события в прошлом, в то время как в «эмпирических» науках данные (результаты экспериментов) недоопределены (underdetermination). Настоящее переопределяет прошлое, но недоопре-

вально по каждому пункту. Здесь «научный реализм» – это эпистемический тезис о том, что мы можем схватить объективное «положение дел», даже несмотря на то что все наши «эпистемические средства» субъективны. И акцент на разнице между «историческими» и «эмпирическими» науками – это не призыв к построению концепции, «общей для всех случаев», а указание на многообразие форм реализма: «Я не хочу сказать, что любая историческая теория, такая как теория эволюции Дарвина, менее подтверждена (confirmed), чем любая теория микромира... Я показал, что существуют пределы знания о прошлом, которые не ограничивают знание о микромире. Это заключение скептика, но это пример *согласительного* (mitigated) скептицизма» (курсив автора. – Н. Г.) (с. 60)⁸. Так за-

деляет будущее. И К. Клилэнд хочет показать, что в *эпистемическом* плане никакой разницы между результатами, к которым потенциально могут привести методы «исторических» и «эмпирических» наук, нет. «Исторические» науки изучают переопределенность прошлого настоящим для того, чтобы отсеять конкурирующие гипотезы, и то же самое позволяют делать методы «эмпирических» наук, апеллирующие к недоопределенности настоящего будущим. В ответ на это Д. Тернер задает вопрос: «является ли указанная переопределенность/недоопределенность эпистемически значимой?» С точки зрения Д. Тернера, следует различать метафизическую переопределенность/недоопределенность и эпистемическую переопределенность/недоопределенность. Метафизическая переопределенность, например, не является эпистемической и не мешает говорить о знании о прошлом. Проблема в том, что само понятие эксперимента в «исторических» науках в каком-то смысле «метафизически» иное. По Д. Тернеру, вспомогательные теории в «исторических» науках нацелены на другое (они подсказывают, как данные исчезают со временем), а значит, к ним нельзя апеллировать при выборе между разными гипотезами. То, о чем говорит К. Клилэнд, не будет работать в «исторических» науках в том виде, как их понимает Д. Тернер.

⁸ Примечательно то, что этот «скептицизм» по-разному интерпретируется К. Клилэнд и Д. Тернером. В одной из, условно, «ранних» работ Д. Тернер говорит о том, что «нам никогда не узнать, какого именно цвета были динозавры» (см.: *Local Underdetermination in Historical Science // Philosophy of Science*. 2005. Vol. 72. P. 209–230). И К. Клилэнд успешно его критикует, тем более что появились научные результаты, достаточно четко (в некоторых случаях) определяющие цвет перьев динозавров (см.: *Prediction and Explanation in Historical Natural Science // British Journal for Philosophy of Science*. 2011. Vol. 62. № 3. P. 1–32). В частности, она ссылается на статью: Zhang F. et al. *Fossilized Melanosomes and the Colour of Cretaceous Dinosaurs and Birds // Nature*. 2010. № 463. P. 1075–1078. С точки зрения общей логики рассуждений, К. Клилэнд стоит на позиции, что с помощью принципа «общей причины», то есть поиска ключевых событий, оказавших значительное и масштабное влияние на ход событий, мы можем познать, казалось бы, совсем недоступное прошлое. И может показаться, что победа в споре о цвете динозавров стала триумфом «оптимизма Клилэнд». Однако в ответ на это Д. Тернер, признав свое поражение в споре о цвете динозавров, выдвигает другой тезис, что ученые исследуют только то, что им интересно. При этом «интерес» рождается только тогда, когда становится возможным вероятность позитивных результатов исследования. Отсюда можно также сделать вывод, что «оптимист» (в духе К. Клилэнд) будет искать только там, где исследование может оказаться результативным, и не будет искать там, где исследование «обречено на провал». Поэтому, как пишет Д. Тернер, для современных ученых «нет смысла тратить время или ресурсы на попытки определить точный размер популяции тираннозавров непосредственно перед ее исчезновением» (*A Second Look at the Colors of the Dinosaurs // Studies in History and Philosophy of Science Part A*. 2016. Vol. 55. P. 65), так как это тривиально и неинтересно. В данном случае «интересность» или «неинтересность» зависит от наших познавательных возможностей: «Интересность может быть частично связана с эпистемическими ресурсами. Сегодня часть того, что делает цвет динозавров интересным, заключается в том, что ученые уже разработали инструменты, дающие нам эпистемический доступ. Если бы у нас был какой-то способ установить размер популяции тираннозавров в момент удара астероида, то этот вопрос *мог бы* показаться более интересным» (курсив наш. – Н. Г.) (Там же). В этом смысле «согласительный скептицизм» (несмотря на то что книга была написана до отмеченного фиаско Д. Тернера), очевидно, имеет под собой гораздо больше оснований, чем может показаться на первый взгляд. Мы можем дополнять его различными содержательными элементами, не нарушая исходного понимания асимметрии и не скатываясь в агно-

крепляется контекст «нового» тезиса «эпистемическая ущербность, одинаковый эпистемический статус». Четвертая глава также уже публиковалась и носит следы рефлексии по поводу поступившей критики⁹. В центре внимания проблема пессимистической мета-индукции и противопоставление попыток ее решения в «исторических» и в «эмпирических» науках. И вывод точно так же не поддерживает ни ту, ни другую сторону: «Пессимистическая индукция имеет столько же убедительности (force) против исторического реализма, что и против экспериментального реализма. Асимметрия манипулирования и [роли, в которых выступают] вспомогательных теорий не оказывает влияние на [решение проблемы] пессимистическую индукцию» (с. 100). Пятая глава обсуждает проблему «новых предсказаний». Наиболее интересный вывод, на наш взгляд, который можно сделать из анализа содержания главы, заключается в том, что «признание эпистемической ущербности исторических наук – это ключ к пониманию того, что происходит в палеобиологии и геологии, в частности, вместе с использованием компьютерных симуляций и проведением численных экспериментов. Численное моделирование – это та стратегия, которая дает возможность избавиться от асимметрии манипулирования» (с. 7). Умеренный скептицизм, признание важности проблемы пессимистической мета-индукции для каждого из типов науки, обоснование того, что в «исторических» науках возможны «новые» предсказания (особенно если мы рассматриваем эти науки через призму «вычислительной математики», т. е. в форме, далекой от «полевой» практики), – все это позитивные черты той условной (мы не можем считать естественную онтологическую установку А. Файна реализмом) концепции «мягкого (milder than mild, по выражению Д. Деннета) реализма», к которой склоняется Д. Тернер. При этом основной отличительной чертой такой формы реализма, именно как эпистемического тезиса, будет контекстно-зависимый характер, который определяется *ролью, которую играют вспомогательные теории*. На этом в широком смысле обсуждение реализма в науках о прошлом заканчивается, и Д. Тернер переходит к обсуждению тезиса о «конструировании прошлого».

Шестая глава начинается с посвящения Дж. Беркли, И. Канту, Т. Куну и Б. Латтуру, содержит достаточно интересный анализ точек зрения М. Девитта, М. Даммита и А. Кукла относительно верификационизма (еще одна из ключевых тем научного реализма, обретающая особую популярность после книги Дж. Лэдимена, которая выходит в том же 2007 году, см.: [Ladyman et al., 2007]), и приводит читателя к А. Файну: «Минимализм в понимании истины – это просто описание того, как употребляется предикат “истинно”, и в этом смысле реалисты и антиреалисты участвуют в бессмысленной метафизической дискуссии. Обе точки зрения начинают с базовой установки (core position) и идут гораздо дальше, обсуждая метафизические тезисы о природе и сути истины. Сторонник естественной онтологической установки будет стремиться как можно меньше рассуждать об этом» (с. 160). Мы должны оставаться агностиками в отношении ответа на вопрос

стицизм. Мы благодарны Василию Анатольевичу Миронову за обсуждение и поступившие комментарии.

⁹ По большей части, это статья «Misleading Observable Analogues in Paleontology» (Studies in History and Philosophy of Science Part A. 2005. Vol. 36. P. 175–183).

о том, сконструировано прошлое или нет. И здесь, по-видимому, нужно отметить, что это заключение выглядит не совсем однозначно. В первой части книги Д. Тернер откровенно симпатизировал реализму, в частности, он не отрицает, что выбор между двумя альтернативными гипотезами в «исторических» науках возможен. Проблема в том, что если прошлое «социально сконструировано», то у нас нет оснований предполагать, что его описание не полно (оно полно ровно в той степени, до которой это позволяет «конструирование»), у нас нет оснований ожидать, что одна гипотеза *должна быть* лучше, чем другая. И не случайно, что здесь Д. Тернер акцентирует наше внимание на понимании «объективности» знания. Перед ним стоит две задачи: (а) он не должен принимать конструктивизм, (б) он не должен принимать реализм. «Реализм обладает одной добродетелью, которой нет у конструктивизма... каждый раз, когда мы [как реалисты] делаем эмпирическое утверждение, мы присоединяем (conjoin) к нему требование независимости от деятельности сознания. Если я скажу: “Вчера шел снег”, то большинство людей подумают, что это происходило независимо от деятельности моего сознания. Эта независимость есть основание, которое придает необходимую *объяснительную силу* гипотезе... Философы, такие как Девитт, любят обвинять конструктивистов в том, что они допускают простейшую ошибку, – путают (confusing) репрезентацию с объектом» (курсив наш. – Н. Г.) (с. 148–149). Апелляция к М. Девицку тут не случайна, это явно реалистский ход рассуждений (см.: [Devitt, 1997]). Но что будет, если к эмпирической гипотезе присоединить разные (несовместные) метафизические интерпретации? «Все, что мы знаем об исторических явлениях и процессах, дает основание предполагать, что информация относительно того, произошло ли данное событие независимым или же зависимым от сознания образом, никогда не будет сохранена в исторических данных. Информация относительно того, произошло ли событие независимо от нас или нет, никогда не сохранится в следах, оставленных животным, которое прошло по снегу. Вспомогательные теории предполагают (imply), что метафизическая информация – информация об истинности или ложности контрфактических утверждений относительно зависимости – всегда уничтожается и никогда не сохраняется. Исторические данные сохраняют информацию только о том, что существовало и произошло, и ничего не говорят о том, происходили ли события в прошлом независимо от деятельности сознания» (с. 156). Эта апелляция к тому, что метафизические утверждения недоопределены практикой, и в данном случае все это звучит как канонический тезис инструментализма.

Седьмая глава продолжает анализ позиции А. Файна и заканчивается «опровержением» позиции Б. Фраассена: «Конструктивный эмпиризм Фраассена не обобщается на исторические науки. Принятие конструктивного эмпиризма будет означать радикальный скептицизм относительно прошлого, – он никогда не предполагался как серьезное философское основание исторической науки. Ранее (в третьей главе) я говорил, что вся дискуссия о реализме отклоняется от предмета рассуждения, поскольку во внимание не принимаются примеры из исторической науки, поскольку традиционные абдуктивные аргументы в пользу реализма заметно менее применимы в историческом, чем в экспериментальном контекстах. А теперь мы видим, что дискуссия отклоняется не только поэтому:

одна из лидирующих не-реалистских концепций одинаково хорошо работает и для исторических, и для эмпирических наук, а другая – нет... Файн упорно противостоит попыткам предложить глобальную философскую интерпретацию науки... *наука – это не тот проект, который можно организовать вокруг одной единственной цели*. Рассуждения о целях предполагают, что наука имеет какую-то определенную природу, – это еще один тезис, который отрицает Файн. Он пишет: «Естественная онтологическая установка нацелена на то, что сместить [основной] фокус философского исследования с глобального на локальное, в сторону от общего (или универсального) к частному», он хочет, чтобы философы «соотносили (scale) вещи в том контексте, в котором философское исследование может принести плоды (thrive)». Но, к несчастью, он также недостаточно четко (vague) указывает на то, *как такая локализованная философия науки могла бы выглядеть»* (курсив наш. – Н. Г.) (с. 178–179). Очевидно, тезис о необходимости «локального» контекстно-зависимого представления о науке был почерпнут у А. Файна. И именно в этом смысле понимается «одинаковый эпистемический статус» для теорий «исторических» и «эмпирических» наук.

Заключительная (восьмая) глава называется «[модель] Земля – снежный ком в равновесии». Она посвящена проблеме «согласованности» (consilience) знания о прошлом и обосновывает еще один нетривиальный вывод, который делает Д. Тернер: «Согласованность или уровень общности объяснения (explanatory unification) дает основание одобрить, а не просто принять (ассерт) гипотезу» (с. 197). Вот как это объясняется: «Вспомогательные теории в исторических науках описывают процессы, посредством которых информация о прошлом уничтожается. Но также они могут много рассказать о том, как информация сохраняется в останках и геологических летописях... Если ученые достигают успеха в объединении следов (traces), привязав их к одному событию, то они в определенном смысле уверены в том, что они на правильном пути, поскольку могут сказать, какого рода нарратив им нужен. Согласованность имеет определенный эвиденциальный вес, но апелляцию к согласованности лучше всего интерпретировать в терминах эмпирической проверки вспомогательных допущений. Если согласованность дает нам основания принять гипотезу, то это *только* потому, что соответствующие вспомогательные допущения хорошо подкреплены эмпирически» (курсив наш. – Н. Г.) (с. 196). На наш взгляд, это очень элегантный ответ на затруднение, связанное с неизбежностью когерентистской трактовки и вытекающих проблем обоснования знания для любой достаточно масштабной теории в «исторических» науках.

И это еще не все. Один из наиболее значимых (если не самый значимый!), на наш взгляд, результатов Д. Тернера заключается в том, что у нас появляется возможность преодолеть дихотомию идеографическое / номотетическое, которая неизбежно сопровождает любую интерпретацию «исторической» науки. «Я нацелен показать, что мы можем получить гораздо более достоверную картину исторической науки, если освободимся от деления науки на идеографическую и номотетическую, и сосредоточимся на эпистемической разнице между разными типами ненаблюдаемых объектов, которые изучает наука... Слишком долго обсуждение исторической науки было ограничено традиционными рамками идеографиче-

ской и номотетической науки. Мы обязаны этой терминологией неокантианцам Виндельбанду и Риккерту, которые думали, что такое деление поможет понять разницу между естественными и гуманитарными науками. Номотетическая наука связана с законами, идеографическая, наоборот, с индивидуальными явлениями. Кеплер и Ньютон занимались номотетической наукой, а геологи девятнадцатого века, обнаружившие, что северное полушарие однажды было покрыто льдом, занимались идеографической. Я не нахожу такое деление полезным» (с. 7–8). То, что Д. Тернер хочет здесь сказать, сложно переоценить. Как быстро бежал динозавр, когда оставил именно такие следы? Ответ на этот вопрос будет апеллировать к законам биомеханики. Каждая компьютерная симуляция движения тектонических плит, которую проводит геолог, фиксирует серию «индивидуальных явлений», однако таких симуляций можно провести много. Означает ли это, что у геологии есть шанс считаться номотетической наукой? Естественно, речь не идет о том, что после Д. Тернера мы должны перестать делить сообщество на тех, кто «поклоняется К. Гемпелю» и тех, кто «поклоняется У. Дрею» (в конце концов, нам все еще нужно как-то различать философов из Новосибирска от философов из Томска). Однако сама идея, что, приняв в качестве метафизического тезиса одну из интерпретаций естественной онтологической установки, мы можем покуситься на дихотомию идеографическое / номотетическое, представляется как минимум интересной и достойной внимания.

С точки зрения философа, который вслед за Дж. Лэдименом предполагает, что «метафизика должна быть научной», научный реализм является единственным кандидатом на роль метафизической концепции. Однако, судя по всему, значительная часть реально работающих ученых, несмотря на психологическую обусловленность «рабочего платонизма», все же, при ближайшем рассмотрении, выберут инструментализм. Любой достаточно значимый научный результат претендует на то, чтобы изменить парадигму. Понимание того, что курица – это динозавр, пришло в результате длительного «эволюционного» процесса смены парадигм в систематике. Было бы странным ожидать, что обычный ученый, наверняка разделяющий (явно и неявно отталкивающий от) в общем-то картезианские представления в онтологии, которые в данном случае выступают скорее идеологическим препятствием, не будет со скептицизмом смотреть на философа, который будет убеждать его в том, что реализм – это «единственная игра в городе». Вся аргументация философа будет выглядеть (и выглядит) как *ad hoc*, который позволяет не говорить прямо «я не знаю», а сосредоточиться на том, что «раз других хороших объяснений нет, то мы будем считать реализм единственно возможной платформой». И в этом смысле пример Д. Тернера с попыткой «перестроить под себя» концепцию естественной онтологической установки А. Файна, – это хороший пример того, как грамотно и оригинально может выглядеть инструменталистская концепция. И также, в лучших традициях У. Уэвелла и К. Гемпеля, мы можем подчеркнуть достоинства концепции Д. Тернера. Во-первых, она «рефлексивна» в том смысле, что ставит на место других инструменталистов. И, во-вторых, она в меру (конструктивно, не разрушая канон) «оригинальна» – акцент на том, что «сила аргументов за или против научного реализма может меняться в зависимости от научного контекста» достаточно неожиданно приводит

и к тому, что «деление идеографическое / номотетическое не является полезным», и к тому, что «эпистемическая ущербность, но одинаковый эпистемический статус». Книга Д. Тернера гарантированно Вас не разочарует.

Список литературы

- Головко Н. В.** Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. III: Абдуктивный вывод // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2008. Т. 6. № 1. С. 9–15.
- Головко Н. В.** Квазиреализм, естественная онтологическая точка зрения и независимость истины // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2012. Т. 10. № 2. С. 17–22.
- Головко Н. В.** От позитивизма к научному реализму и социальному конструктивизму: каким должен быть учебник по философии науки. Рец. на кн.: Klee R. *Introduction to the Philosophy of Science: Cutting Nature at Its Seams*. Oxford University Press, 1997 // Сиб. филос. журн. 2020. Т. 18. № 4. С. 145–152.
- Хакинг Я.** Представление и вмешательство. М.: Логос, 1998.
- Devitt M.** *Realism and Truth*. Princeton University Press, 1997.
- Fine A.** *The Shaky Game*. University of Chicago Press, 1986.
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*. Oxford University Press, 2007.

References

- Devitt M.** *Realism and Truth*. Princeton University Press, 1997.
- Fine A.** *The Shaky Game*. University of Chicago Press, 1986.
- Golovko N. V.** Naturalization of Philosophy and Basic Arguments Against Scientific Realism. III: Abductive Inference. *The Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2012, vol. 10, no. 2, pp. 17–22 (in Russian)
- Golovko N. V.** Quasi-Realism, Natural Ontological Attitude and Independence of Truth. *The Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2012, vol. 10, no. 2, pp. 17–22 (in Russian)
- Golovko N. V.** From Positivism to Scientific Realism and Social Constructivism: What a Textbook on the Philosophy of Science Should Be. Book Review: Klee R. *Introduction to the Philosophy of Science: Cutting Nature at Its Seams*. Oxford University Press, 1997. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 145–152. (in Russian)
- Hacking I.** *Representing and Intervening*. Moscow: Logos, 1998. (in Russian)
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*. Oxford University Press, 2007.

Информация об авторе

Головко Никита Владимирович, доктор философских наук, доцент
Заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки,
Новосибирский государственный университет;
Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Author**Nikita Golovko**, Doctor of Sciences (Philosophy)¹Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science,
Novosibirsk State University;²Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 19.12.2022;
одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 26.01.2023*

*The article was submitted 19.12.2022;
approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication 26.01.2023*